

Германский кайзер предложил Кюльману 29 ноября вступить «с Россией в своего рода союзнические или дружеские отношения» на ожидавшихся тогда мирных переговорах. Кюльман, как часто бывало при крайне важном анализе положения или при долгосрочном планировании политических решений, привлек к формулированию ответного письма германскому кайзеру свою «самую способную политическую голову» в Министерстве иностранных дел, посланника фон Бергена. 3.12.1917 г. Кюльман передает этот текст, набросанный фон Бергеном 1.12.1917 г., Его Величеству, высшему германскому государственному рулевому.

«ПЕРВАЯ АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРКА»: ФИНЛЯНДИЯ

То, что Ленин в состоянии определенной личной паники в июле 1917 г. сломя голову бежит в Финляндию, не является результатом случайного решения. ТERRитория для бегства — Финляндия — избирается целенаправленно. Никто не знает лучше Ленина, что «апельсиновая корка» — Финляндия, наряду с Украиной, возможно, даже больше Украины, сильнее всего проникнута устремлениями к национальной независимости от Российской империи.

Царь вынужден был после финского восстания 1905 года против царского «превосходства», насильтвенного господства империи Романовых над Финляндией, два года использовать целую Российскую армию, чтобы подавить восстание.

Поэтому Гельфанд в своем принципиальном меморандуме, который он представил 9 марта 1915 г. Министерству иностранных дел в Берлине и который там и во всех других ведущих германских ведомствах, где засели «стратеги апельсиновой корки», нашел столь прочную поддержку, усиленно указывал на Финляндию. Эту страну надлежало первой из «периферийных» территорий выломать, сорвать, «содрать» с многонационального государственного образования. И отмечалось, что Финляндия еще до решающей революции чрезвычайно удобна для доставки известий и грузов и идеально подходит для контра-

банды оружия и взрывчатки в российскую столицу, центр революционного движения. Итак, стратегически важное «периферийное государство» Финляндия ни в коей мере не представляет собой периферийного явления в «политике инсургенизации» германского кайзера и его стратегов. По этой причине и отделение секретных служб Шв в германском Генеральном штабе вполне успокаивается, когда узнает, что Ленин скрывается где-то в Финляндии.

Естественно, господа и в тот период принимают место пребывания Ленина очень близко к сердцу. (С каким удовлетворением стокгольмский информационный пункт Шв тогда, через день после прибытия Ленина в Петроград, 17 апреля 1917 г., сообщил в Берлин, что его «въезд в Россию удался» и он работает «как нельзя лучше». — Кстати, именно это сообщение позднее вновь и вновь приводится врагами Ленина в доказательство, что великий вождь революции был агентом немцев.)

Ленин инстинктивно полагается на опытного и прямого финского революционера Карла Вийка, который спас и важного курьера Шляпникова, когда тот на курьерском пути из Торнио в Петроград был арестован на железнодорожной станции и смог бежать. После долгих переходов Шляпников устанавливает контакт с Вийком. Вийк обеспечивает беглецу финский паспорт, так что тот может в относительной безопасности пробиться в Петроград. Ленин знает, что на Вийка он может положиться. Финн принадлежит к тем, о которых Ленин всего два месяца назад писал в своей статье «Финляндия и Россия»: «Царь, правые, монархисты выступают [...] за прямое подчинение Финляндии русскому народу. Классово сознательный пролетариат и оставшиеся верными его программе социал-демократы за свободу отделения Финляндии, как и всех других неравноправных национальностей, от России».

Итак, мысли Ленина оказываются идентичны «руководящим принципам» пропагандистской работы в Финляндии, которые германский рейхсканцлер Бетман-Гольвег уже к началу войны в 1914 г. сформулировал в качестве германских военных целей: «Освобождение и безопасность порабощенных Россией племен, отбрасывание российского деспотизма до Москвы».

6 августа 1914 г. канцлер даже поручил германскому посланнику в Стокгольме развязать восстание в соседней Финляндии и для этого представить финнам «перспективу автономного буферного государства (республики)».

Ленин, сопровождаемый Карлом Вийком, точнейшим образом проинформированный им об общих антироссийских настроениях большинства жителей и заботливо проинструктированный, находит в этой стране надежное убежище.

Если бы у российского революционера была возможность полистать толстые фолианты с секретными актами Министерства иностранных дел под грифом «11 с секретно», он мог бы еще спокойнее размышлять о неудавшемся июльском мятеже в Петрограде. Ведь не без основания на крышках переплета от руки помечено: «Операции и подстрекательские акции в России, особенно в Финляндии [sic!] и Остзейских провинциях». Сюда, в Финляндию, с самого начала, в соответствии с планами генштабистов и скоординированно, к самым разным инстанциям и лицам текли деньги из Берлина для фланговой финансовой поддержки запланированной революции в России. Документ А 5 2901 Министерства иностранных дел, письмо из Генерального штаба армии, отделение иностранных армий, Министерству иностранных дел, дают наглядное представление о компетенциях, уровнях отдачи приказов и стабильных контактах между руководящими инстанциями германской политики. Статс-секретарь фон Циммерман сообщает 12 июня 1915 г.:

Секретно!

В понедельник 14 июня в 10 часов утра в здании Генерального штаба, кабинет 147, состоится обсуждение финского вопроса.

Покорнейше просим направить представителя Министерства иностранных дел на это обсуждение.

Господин фон Вехмар, поправляя, еще помечает от руки: «Заседание переносится на среду 16 июня в 10 часов».

В заседаниях Генерального штаба, когда речь идет о «финском вопросе», представитель Министерства иностранных дел

будет участвовать часто и регулярно. Речь идет не только о деньгах, но и об оружии, информационных пунктах, даже о военной подготовке тысяч добровольцев, которая поначалу, под видом «курсов для бойскаутов», производится в шлезвиг-гольштейнском лагере Локштедт, к северу от Гамбурга.

Хотя Ленин, видимо, узнал от своего находчивого курьера Шляпникова не все детали, но о том, что немцы поддерживают финских сепаратистов в финансовом и военном отношении, тот ему, во всяком случае, должен был рассказать. На Шляпникова производит впечатление, как осмотрительно и успешно почти 2000 финнов-добровольцев уже зимой 1915/16 гг. нелегально переправляются через границу у Хапаранды—Торнио сквозь всю Швецию для военного обучения в Германию. Там создается 27-й финский егерский батальон. Эти молодые добровольцы набираются преимущественно из финских националистических кругов. Великолепно функционирующая система транспортировки этих будущих борцов за независимость помогает и большевику Шляпникову, когда он неожиданно попадает в затруднительную ситуацию. Ему помогают из нее выбраться. После первоначального недоверия в нем распознают противника царя и с гордостью рассказывают о собственных целях и о связанной с ними далеко разветвленной организации транспортировки.

Такого рода нелегальная организация «финских егерей», разумеется, требует денег, если она рассчитана на успех в долгосрочной перспективе. Сначала работают с небольшими суммами, пока не предоставляются сотни тысяч. Так, деньги необходимо посыпать связнику в Стокгольме, который должен заботиться также о разрешениях на транзит и о проблемах транспортировки от Финляндии до лагеря в Шлезвиг-Гольштейне. «Группа подготовки Локштедт, отделение Берлин» пишет 18 ноября 1915 г. в книге записей под № 609 Министерству иностранных дел:

*Господину секретарю посольства ф. Везендонку
Его Высокоблагородию
Берлин*

Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие передать прилагаемое ценное письмо (30 000 м.) господину капитану Хельдту, Стокгольм, через курьера.

В книге записей под № 644 берлинское бюро Группы подготовки Локштедт 27 ноября подтверждает поступление денег от Дойче Банк:

*Министерству иностранных дел
лично господину секр. пос. ф. Везендонку
Его Высокоблагородию
Берлин
Настоящим подтверждаю поступление перечисленных через
Дойче Банк Группе подготовки Локштедт 10 000 м. и прошу под-
писать и выслать назад прилагаемую справку о получении денег.*

Деньги, нелегально текущие туда-сюда между кайзеровской Германией, отдающей приказы, и Финляндией — Россией, где производится набор рекрутов, должны затрагивать и «транзитную» страну Швецию. Поэтому посланник должен быть информирован и об этом и иногда предпринимать необходимые действия. Так, кайзеровский посланник Люциус фон Штедтен аккуратно сообщает рейхсканцлеру и о трансфере небольших сумм денег. В рабочем журнале под № 1145 он информирует:

*Его Превосходительству
рейхсканцлеру
господину фон Бетман-Гольвегу
Срочно
Сегодня 50 000 (пятьдесят тысяч) марок сняты в стокгольмском Handelsbank по особой квитанции на посольскую кассу, эквивалент 30425 крон по курсу 60,85 выплачен капитану Хельдту.
Подтверждение в следующем официальном отчете.
Люциус.*

Германский капитан Карл Хельдт уже с октября 1915 г. является шефом этапного бюро в Стокгольме и держит в руках

нити всех 87 тайных вербовочных пунктов. Он организует очень авантюрное подчас бегство молодых финнов-добровольцев из их финско-российских родных мест в Швецию. В Стокгольме он выдает добровольцам так называемый «егерский паспорт», который позволяет им беспрепятственно въехать из нейтральной Швеции в воюющую Германию.

Эпитет «финские егеря» становится почетным званием с тех пор, как по указу от 28 августа 1915 г. в качестве одежды для «Группы подготовки» устанавливается серо-зеленая егерская униформа германской армии. Формирование, структуру и целевое назначение этой нелегальной части определяют Генеральный штаб, Военное министерство и Министерство иностранных дел на своем совместном совещании 26 января 1915 г. в Берлине.

То, что начинается с 4-недельных «учебных курсов для бойскаутов» в феврале 1915 г., превращается в результате чрезвычайно быстро растущего числа желающих, их рвения в процессе подготовки и их высокой дисциплины в эффективную подрывную часть. 28 августа уже существуют несколько рот. Программа подготовки гласит: «Приобретение боевого духа, пехотная подготовка, разрушение железных дорог и искусственных построек (мосты и т. д.) всякого рода, портовых сооружений и судов».

Такого рода инсургентные части, нацеленные против царской системы, стоят денег. Вновь приходится согласовывать, кто, из какого фонда, кому, когда и какие суммы должен предоставлять.

Письмо от 9 июля 1915 г., где докладывается, что майор Хаген из Генерального штаба и майор Шнивинд из Военного министерства сообщают, что «создание финского корпуса из 7200 человек теперь одобрено всеми военными инстанциями», иллюстрирует гладкое сотрудничество соответствующих германских ведомств. Далее в этом письме говорится:

Поскольку из финского фонда до сих пор были израсходованы лишь относительно небольшие суммы, то общая сумма в 600 000 марок, требуемая для этапирования и информационных центров,

может пока покрываться из стокгольмского фонда. Но когда потребуется организовать активную пропаганду в шведской печати и службу информации для Финляндии, должны быть запрошены новые суммы. В ближайшие дни в Генеральном штабе состоится совещание о создании полномочных финских бюро в Стокгольме и Северной Швеции.

Вскоре после успешной Октябрьской революции, провозглашенной вслед за тем национальной самостоятельности Финляндии и создания независимой от России финской армии Хаген становится начальником штаба у финского командующего генерала Вилкмана.

Заметно растущие деньги на «финское дело» вкладываются успешно и вскоре окупаются для немцев вдвойне: сначала финны борются за свою государственную независимость против царской системы России и могут считать себя повстанцами — союзниками Ленина, но затем националисты, «белые», воюют против лишь неспешно выводимых частей русской армии и одновременно против «смешанных» финско-российских «красных», которые хотят перенести «пролетарскую» революцию и в Финляндию. Последующая гражданская война «белых» против «красных» в 1918 г., следующем году после ленинской революции, ведется обеими сторонами чрезвычайно ожесточенно.

На финской стороне с начала войны в духе «стратегии апельсиновой корки» неутомимо содействует свержению царского режима видный политик, авторитетный статский советник Эдвард Хельт. 26 ноября 1917 г. ему даже удается разъяснить свои национально-финские планы великому и всевластному Людендорфу в Главной ставке в Бад-Крайцнахе. Он осаждает Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, а также рейхсканцлера Бетман-Гольвега своими планами освобождения Финляндии от царской власти. Конечно, он также настойчиво просит денег. Он является членом комиссии по Финляндии и финского Бюро революционизации, находящихся в Берлине. Во время своих частых посещений Германии он живет в фешенебельных отелях и осаждает также отделение IIIb в Генеральном штабе, секцию П(олитика), по поводу согласия на

поставку оружия и боеприпасов для финской повстанческой армии.

Сразу же после начала поставок оружия происходит авария. Всего через 5 дней после Октябрьской революции Ленина германская специальная подводная лодка «UC 57» с 4 тоннами взрывчатки и радиостанцией направляется к южно-финскому побережью. Отборные финские егеря из Локштедта сопровождают секретный транспорт под водой и должны попытаться взорвать железную дорогу на Петроград.

Атака не удается, и германская диверсионная подводная лодка никогда больше не всплывает.

Но деньги должны течь по-прежнему. Письмо Министерства иностранных дел в Дойче Банк, дирекция в Берлине, переправленное кайзеровскими фельдъегерями, курьерами высших правительственные инстанций, информирует о денежных суммах финского статского советника Хельльта:

Секретно! [...] прошу открыть финскому статскому советнику Хельльту из Гельсинфорса, пребывающему в настоящее время в Берлине, отель «Фюрстенхоф», не указывая Министерство иностранных дел в качестве поручителя, кредит до ста тысяч марок — 100 000 марок — и каждый раз соизволить сообщать сюда для возмещения о снятых господином Хельльтом суммах [...] прошу уполномочить финского статского советника Хельльта в Берлине, отель «Фюрстенхоф», снимать со своего счета в Дойче Банке в Берлине до пятнадцати тысяч марок — 15 000 марок — в месяц и соизволить соответственно уведомлять об этом здесь Дойче Банк.

Дойче Банк уже через день сообщает о немедленном исполнении просьбы Министерства иностранных дел:

*Высокочтимому Министерству иностранных дел
имеет честь подтвердить получение любезнейшего письма от
15 с. м. и покорнейше сообщить, что мы, в соответствии с пору-
чением, аккредитировали у нас финского статского советника
Хельльта из Гельсинфорса, пребывающего в настоящее время в Бер-
лине, отель «Фюрстенхоф», на*

*100 000 м. /сто тысяч марок/
с условием, что он ежемесячно может снимать у нас суммы в
общем размере до 15 000 м.*

*О снятых господином Хельттом суммах мы каждый раз будем
докладывать Министерству иностранных дел для возмещения.*

Всего через 10 дней после того, как Дойче Банк утвердил выдачу Хельту ста тысяч марок, его даже принимает рейхсканцлер. Статский советник возглавляет финскую делегацию, которая хочет обсудить с главой германского государства желанное «снятие апельсиновой корки» с Финляндии. Однако Надольный, руководитель Восточного отдела в Министерстве иностранных дел, подчеркивает при этом, что национальная самостоятельность Финляндии «первой из держав должна быть признана Россией».

Финский генерал Маннергейм пишет, что лишь «под наимом германских требований Финляндия была признана советским правительством независимым государством».

По поводу этой проблемы повздорили Ленин и Троцкий. Троцкий считает недоказанным, что независимость Финляндии отвечает воле финского народа. Но Ленин одерживает верх, и 31 декабря 1917 г. следует признание независимости Финляндии со стороны России. 4 января 1918 г. соответствующий декрет Совета Народных Комиссаров официально утверждается. И в тот же день по указу кайзера Вильгельма II происходит дипломатическое признание Финляндии Германией.

Однако национальная независимость этой страны очень быстро оборачивается кровавой гражданской войной между «красными» и «белыми». Берлин делает ставку на оба цвета: «красные» Ленина продолжают получать в Петрограде свои уже почти привычные огромные суммы, а созданные генералом Маннергеймом «белые» части получают дорогостоящее оружие. 30 января 1918 г. барон фон Маннергейм через финское представительство в Стокгольме срочно просит по телеграфу политическую секцию Генерального штаба вооруженных сил в Берлине «о переправке как минимум 10–20 тысяч винтовок, 50 пулеметов с боеприпасами, полевых телефонов и мощных беспроволочных приемников и передатчиков, а также 100 егерей».

Уже 17 февраля Маннергейм, вынужденный бежать от «красных» из Хельсинки/Гельсингфорса в Ваазу, получает «егерей», 40 000 винтовок, 70 пулеметов и даже четыре орудия с большим количеством боеприпасов. Берлин не жалеет средств на борьбу с «красными» в Финляндии. Через 4 дня Людендорф после некоторых колебаний решается направить германский экспедиционный корпус из 10 000 человек через Балтийское море – он получает название «Остзейская дивизия» – посреди обширных минных полей к южно-финскому побережью.

Германский кайзер лишь 12 марта, на совещании с ведущими стратегами из руководства Рейха, дает свое согласие на двойную игру с революционной Россией Ленина и «белой» гражданской войной Маннергейма против финских «красных». Людендорф пишет по этому поводу, что «не финские, а всецело германские интересы привели наши войска в Финляндию».

Двумя днями позже это подтверждают крупные германские промышленники Гуго Стиннес и Альберт Баллин, пригласившие на завтрак президента финского Сената Свинхувуда. Требования крупных промышленников к Финляндии бессовестны и недипломатичны. Речь идет о запасах огромных финских лесов, об энергетических ресурсах речных порогов, о перестройке всей железной дороги с широкой российской колеи на нормальную европейскую, о создании германо-финской торговой компании, которая должна направлять и контролировать всю финскую торговлю, и кое о чем еще. Президент финского Сената неприятно поражен такими дерзостями и приостанавливает все проходящие в это время в Берлине коммерческие переговоры своей делегации с немцами.

Однако крупных германских промышленников не мучает совесть из-за их недипломатичных притязаний, они, совершенно напротив, считают их оправданными. В конце концов, это ведь было недвусмысленно сформулировано при установлении германских требований по поводу военных целей еще в начале войны в 1914 г.

Снятие «апельсиновой корки» – Финляндии – в рамках германской политики в отношении периферийных государств очень наглядно демонстрирует переплетение кайзеровской по-

литики, пронизанной манией величия, экспансионистских целей военных из Генерального штаба, агрессивной германской внешней политики Министерства иностранных дел, планов крупной промышленности относительно территориально-экономического проникновения с захватом капиталов. Но пример Финляндии показывает также, что все это недостижимо без кровавого насилия.

Ничто не иллюстрирует лучше территориальные масштабы германской стратегии в отношении периферийных государств, чем письмо добровольного сотрудника Министерства иностранных дел и организатора «Лиги иноземных народов России» остзейского барона Икскуля всего лишь 30-летнему советнику посольства Отто Гюнтеру фон Везендонку с дружеской признательностью за его неутомимую деятельность и активность в связи с революционной политикой в российских периферийных государствах. Икскуль предлагает — очевидно, скорее в шутку — соорудить два памятника в честь заслуг Везендонка: один — на северной оконечности Финляндии, другой — на южной оконечности Кавказа.

В качестве заметки на полях по поводу германской политики «апельсиновой корки» упомянем еще только, что роялистские круги в Финляндии, как и в Германии, в то время всерьез планируют посадить на финский трон германского принца. В качестве кандидатов называются принц Оскар Прусский, герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, с которым хорошо оплачиваемый статский советник Эдварт Хельт не раз беседует по этому «финскому вопросу», и принц Фридрих Карл Гессенский. По случаю аудиенции у германского кайзера инкогнито приехавшего Свинхувуда и его министра иностранных дел 26 августа 1918 г. присутствующие сходятся на Карле Гессенском, зяте германского кайзера.

УДАР КУЛАКОМ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Русские приезжают в Брест-Литовск, не очень гостеприимный город у железнодорожной линии Варшава—Москва на оккупированной германскими войсками пограничной террито-